

- Leibfried S.* Towards an European Welfare State?: On Integrating Poverty Regimes in the European Community: Zentrum für Sozialpolitik, 1991.
- Mandel H.* Winners and Losers: The Consequences of Welfare State Policies for Gender Wage Inequality // *EurSocRev.* 2012. Т. 28. № 2.
- Mares I.* The economic consequences of the welfare state // *International Social Security Review.* 2007. Т. 60. № 2/3.
- Oorschot W.V., Meuleman B.* Does popular support for welfare states depend on their outcomes? A multi-level, cross-national analysis of the effects of welfare state performance on welfare state support using 2008 ESS data // *Contested Welfare States: Welfare Attitudes in Europe and Beyond.* Stanford, CA: Stanford University Press, 2012.
- Oorschot W.V., Reeskens T., Meuleman B.* Popular perceptions of welfare state consequences: A multilevel, cross-national analysis of 25 European countries // *Journal of European Social Policy.* 2012. Т. 22. № 2.
- Oorschot W.V.* Public perceptions of the economic, moral, social and migration consequences of the welfare state: an empirical analysis of welfare state legitimacy // *Journal of European Social Policy.* 2010. Т. 20. № 1.
- Reeskens T., Oorschot W.V.* Equity, Equality or Need? Explaining Preferences towards welfare Redistribution Principles across 23 European Countries. Valencia, 8–10 September 2011, 2011.
- Scruggs L., Allan J.* Welfare-state decommodification in 18 OECD countries: a replication and revision // *Journal of European Social Policy.* 2006. Т. 16. № 1.

© 2014 г.

В.В. КОСТЕНКО

ГЕНДЕРНЫЕ УСТАНОВКИ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН В СЕВЕРНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

КОСТЕНКО Вероника Викторовна – научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований Высшей школы экономики (Санкт-Петербург) (E-mail: vvkostenko@hse.ru).

Аннотация. На основе данных Европейского социального обследования (*European Social Survey*) анализируется отношение к равенству полов у мигрантов по сравнению с местным населением в странах Западной и Северной Европы и в России. Анализ вторичных данных показывает, что мигранты несколько более консервативны в своем отношении к положению женщин в обществе, чем европейцы. Кроме того, отношение мигрантов в равноправию полов связано с гендерной спецификой принимающего общества. Особое место занимает ислам, который остается стабильным, хотя и не сильным показателем отрицательного отношения к равноправию полов.

Ключевые слова: гендерное равноправие в Европе • гендерные установки • ценности мигрантов • вторичный анализ опросных данных • Европейское социальное обследование

Автор опирается на пересмотренную теорию модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Inglehart, Welzel, 2005], которая на большом корпусе эмпирических данных связывает изменение экономического положения обществ и динамику ценностей населения

Исследование проведено Лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ (грант № 11.G34.31.0024). Автор выражает искреннюю благодарность Эдуарду Понарину и Рональду Инглхарту, без которых эта работа не была бы возможна, а также Кристиану Вельцелю за его комментарии на всех этапах исследования.

ния. Согласно избранной теоретической рамке, поддержка гендерного равноправия (как и другие эгалитарные ценности) связана с возрастом, уровнем образования и социально-экономическим статусом. То есть, более молодые, образованные и обеспеченные люди больше поддерживают равноправие, в том числе гендерное. Кроме того, женщины более эгалитарны в своих ценностных установках, чем мужчины. Основная гипотеза работы – большинство мигрантов-мусульман не являются носителями тех же консервативных ценностей, которые приняты в их родных странах. Наоборот, их установки изменяются в направлении либерально-демократических представлений, что должно найти отражение в их восприятии гендерных ролей.

При анализе данных автор опирается на теорию гендерной системы, в которой гендер понимается как социальный конструкт, усваиваемый в процессе социализации [Lorber, Farrel, 1991]. Межстрановые различия при этом очень велики, в постиндустриальных обществах изменяется система ценностей, в том числе и гендерная система. «Классический гендерный контракт меняется на равный статус. На смену иерархии патриархата приходит выравнивание прав мужчин и женщин в публичной (...) и в приватной сфере» [Здравомыслова, Темкина, 1996: 6].

Методика анализа данных. В статье анализируются данные массовых опросов, собранные в ходе пятой волны проекта Европейское исследование ценностей [ESS, 2010]. Данные позволяют отслеживать миграционный статус респондента, конфессию, к которой он принадлежит, страну происхождения, а также ценностный профиль и гендерные аттитюды. Выборка репрезентативна на национальном уровне, в ней нет отдельной подвыборки мигрантов. Пятая волна Европейского исследования ценностей охватывает 27 стран Европы, однако в анализ включены только девять из них, чему есть ряд причин, как теоретических, так и связанных с характером данных. Эти страны были выбраны для исследования, поскольку в них проживает самое большое число мигрантов, и они близки по типу (характеру) миграции [Fassmann, Munz, 1992] в связи с колониальным прошлым и высоким уровнем экономического развития. В подвыборку включены Бельгия, Швейцария, Германия, Испания, Франция, Великобритания, Нидерланды, Швеция и Россия, общее число опрошенных в этих странах составляет 17647 человек¹.

Мигрантами в данном исследовании считаются те респонденты, которые родились в другой стране, или те, кто родился уже в эмиграции, но его оба родителя – мигранты. Все остальные, в том числе и те, у кого один из родителей – мигрант, закодированы как местные. В аналогичной модели (модели b в таблице 2) бинарная переменная «мусульманин/не мусульманин» используется для того, чтобы проверить эффект миграции как таковой и религиозной принадлежности по отдельности. Иммигранты, исповедующие ислам, считаются гомогенной группой для удобства исследования, хотя на самом деле это упрощение, связанное со спецификой данных [Inglehart, Norris, 2003: 133].

В качестве зависимой переменной используется *индекс гендерного равноправия*, который фиксирует отношение респондента к равноправию полов в общественной жизни, и сконструирован из двух аттитюдных вопросов: а) женщина должна быть готова пожертвовать оплачиваемой работой ради семьи; б) мужчины должны иметь больше прав на получение работы в ситуации недостатка рабочих мест. Исходная шкала ответов (от 1 до 5), была перекодирована от 0 до 1 (0 – патриархальный, 1 – эгалитарный). Данный конструкт был впервые использован в качестве зависимой переменной Р. Инглхартом и П. Норрис, где они показывают, что во всем мире, а особенно в постиндустриальных обществах, в последние годы наблюдается мощный всплеск потребности в гендерном равноправии, а также доказывают, что эти ценностные изменения быстро приводят к позитивным структурным переменам в жизни обществ [Inglehart, Norris, 2003]. Несмотря на то, что используемый индекс фиксирует

¹ Некоторые страны (например, Финляндия, Норвегия, Дания) были исключены из анализа в силу небольшого числа мигрантов в выборке.

Средние значения индекса гендерного равноправия (местные жители и мигранты)²

Страна	Местные жители	Мигранты
Швеция***	0,74 (0,04) N = 1260	0,66 (0,06) N = 197
Нидерланды **	0,67 (0,06) N = 1628	0,72 (0,04) N = 172
Бельгия***	0,66 (0,06) N = 1464	0,55 (0,09) N = 231
Испания***	0,61 (0,06) N = 1659	0,54 (0,06) N = 190
Франция***	0,60 (0,07) N = 1467	0,55 (0,08) N = 239
Германия***	0,60 (0,05) N = 2567	0,54 (0,06) N = 361
Великобритания	0,59 (0,05) N = 1992	0,58 (0,05) N = 316
Швейцария	0,52 (0,05) N = 1066	0,51 (0,05) N = 410
Россия	0,38 (0,05) N = 2247	0,39 (0,05) N = 181

только отношение к равноправию на рынке труда, существует ряд исследований, доказывающих, что дискриминация в этой области напрямую связана с неравноправием полов и в других сферах, от политики до семейной жизни [Neilman, 2001].

Отношение к гендерному равноправию: сравнение средних значений. Чтобы проверить, наблюдаются ли в данных значимые межстрановые различия по отношению к гендерному равноправию, проведем анализ средних. Средние значения индекса гендерного равноправия несколько отличаются для стран Западной и Северной Европы, включенных в анализ, несмотря на то, что они были отобраны по принципу схожести (см. табл. 1). Россия среди этих стран занимает самое низкое место по поддержке гендерного равноправия. Этот феномен неоднократно фиксировался российскими исследователями. «Объектом критики (ученых) был советский гендерный порядок, получивший название “советский патриархат”. В нем открывалось причудливое сочетание идеологии равенства мужчин и женщин с неприятием ценностей эмансипации» [Здравомыслова, 2009].

Чтобы проверить гипотезу о том, что мигранты оценивают важность гендерного равноправия ниже, чем местное население, был проведен t-тест. Средние значения индекса сравнивались для двух групп в тех девяти странах, где мигранты составляют меньшинство (см. табл. 1). Часть различий статистически значима ($p < 0.5$). В Великобритании, Швейцарии и России среднее значение индекса гендерного равноправия различается в рамках статистической погрешности между местным населением и мигрантами. В остальных шести странах эти различия значимы, при этом во всех случаях, кроме Нидерландов, показатель для мигрантов ниже, что свидетельствует об их большей консервативности в вопросах общественного положения женщин.

Общая картина распределения средних значений для индекса гендерного равноправия в Европе представлена на графике (рис.). Как видно, местные жители обычно имеют более высокие показатели по индексу гендерного равноправия, чем мигранты. Из этого тренда есть только четыре исключения: Нидерланды, Португалия, Израиль (где половина населения – мигранты, многие из которых приехали из европейских стран) и Литва (разница не значима). Однако очевидно, что гендерные аттитюды мигрантов очень близки к тем, которые считаются нормативными в тех странах, куда они прибыли (в 17 из 26 стран разница не значима).

В России гендерные аттитюды значительно менее эгалитарны, чем в Западной Европе (см. рис. 1). Местное российское население демонстрирует неготовность к равноправию полов в большей степени, чем мигранты в большинстве из опрошенных стран. А мигранты в России настроены не более консервативно по отношению к положению женщин, чем коренные жители страны.

² Звездочки означают значимость различий между средними значениями для местных жителей и мигрантов в каждой стране: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$. В скобках приведена дисперсия, затем объем выборки.

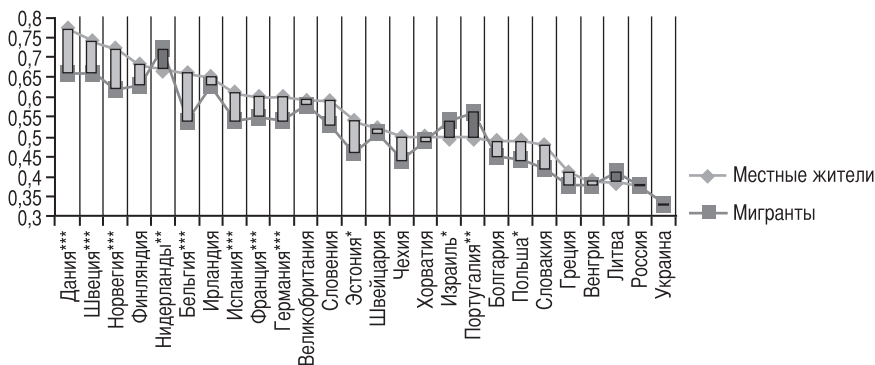

Рис. Средние значения индекса гендерного равноправия для мигрантов и местных жителей в 26 европейских странах (звездочками отмечены страны, где разница статистически значима)

Отдельного внимания заслуживает дискурс об исламской миграции, которая пугает местное население в ряде стран, в том числе неравным положением женщин в мусульманских сообществах. Это связывают как с особенностями исламской культурной традиции, так и с высоким уровнем религиозности этой группы [Van Tubergen, Sindradóttir, 2011]. Средние значения их религиозности близки к показателям группы, которая называется в опросе “другие нехристианские религии” и к восточным религиям (таким как буддизм и индуизм). Наиболее религиозная группа в Европе – это христиане, не принадлежащие к трем основным деноминациям (католичество, протестантство и православие) – адвентисты, пятидесятники, баптисты и другие [Glick Schiller, 2005]. Чтобы проверить, действительно ли мигранты-мусульмане в Европе демонстрируют наиболее традиционалистские подходы к вопросам гендерного равноправия, проведем регрессионный анализ, где контролируется миграционный статус, вероисповедание и уровень религиозности, а также личные ценности индивида.

Связь поддержки гендерного равноправия с демографическими и ценностными предикторами. Для анализа данных использовалась множественная линейная регрессия, где зависимой переменной выступал индекс гендерного равноправия, а в качестве независимых – социально-демографические переменные (пол, возраст, уровень образования), а также миграционный статус/исламское вероисповедание, степень религиозности респондента, страна проживания (в качестве бинарных переменных) (см. приложение).

В табл. 2 представлены четыре модели, где индекс гендерного равноправия взят в качестве зависимой переменной (0 – консерватор, 1 – либерал). Каждая линейная регрессионная модель представлена в двух вариантах: в моделях, обозначенных буквой “а” в качестве объяснительной переменной используется миграционный статус (мигрант – местный), а в модели “b” этот предиктор меняется на принадлежность к мусульманской религии (мусульманин – не мусульманин). Следует заметить, что мусульман, не имеющих миграционной истории, в данных практически не встречается, поэтому “мусульманин” в данном анализе всегда означает мусульманин – мигрант. Интересно, что парные модели демонстрируют лишь небольшое различие в коэффициентах. В связи с тем, что многие люди в Европе не указывают свое вероисповедание, в моделях с литерой b значительно меньше случаев, и они обладают меньшей объяснительной силой.

Модель 1. Базовые демографические предикторы (1а и 1b) включает только базовые социально-демографические переменные – пол, возраст и миграционный статус (для модели 1а) или мусульманское вероисповедание (для модели 1b), а также двоичные переменные для 9 стран. На межстрановом уровне выше всего поддержка гендерного равноправия в Швеции, на втором месте Нидерланды (Бельгия – опорная

Регрессионное моделирование, зависимая переменная – индекс гендерного равноправия

	Модель 1a	Модель 1b	Модель 2a	Модель 2b	Модель 3a	Модель 3b	Модель 4a	Модель 4b
Константа	,77*** (,000)	,75*** (,000)	,72*** (,000)	,675*** (,000)	,77*** (,000)	,75*** (,000)	,75*** (,000)	,73*** (,000)
Возраст	-,05*** (,005)	-,14*** (,010)	-,05*** (,005)	-,11*** (0,11)	-,03*** (,005)	-,10*** (,011)	-,02*** (,005)	-,09*** (,011)
а) Ислам	Миграц. статус ,03*** (,003)	Ислам ,03*** (,005)	Миграц. статус ,03*** (,004)	Ислам ,04*** (,005)	Миграц. статус ,05*** (,004)	Ислам ,05*** (,005)	Миграц. статус ,04*** (,004)	Ислам ,04*** (,005)
б) Ислам	-,12*** (,008)	-,12*** (,011)	-,12*** (,008)	-,12*** (,012)	-,12*** (,008)	-,13*** (,012)	-,12*** (,007)	-,13*** (,012)
Швейцария	-,05*** (,007)	-,05*** (,010)	-,05*** (,007)	-,05*** (,012)	-,06*** (,007)	-,06*** (,012)	-,06*** (,007)	-,06*** (,011)
Германия	-,05*** (,008)	-,05*** (,011)	-,03*** (,008)	-,02* (,011)	-,03*** (,008)	-,03*** (,011)	-,03*** (,008)	-,03*** (,011)
Испания	-,05*** (,008)	-,04*** (,012)	-,05*** (,008)	-,05*** (,012)	-,06*** (,008)	-,06*** (,012)	-,07*** (,008)	-,06*** (,012)
Франция	-,05*** (,007)	-,05*** (,011)	-,05*** (,007)	-,05*** (,012)	-,06*** (,007)	-,05*** (,011)	-,05*** (,007)	-,04*** (0,12)
Великобритания	,04*** (,008)	,02* (,012)	Не значимо	Не значимо	,04*** (,008)	,03* (,012)	,04*** (,008)	,03*** (,012)
Нидерланды	-,27*** (,007)	-,23*** (,010)	-,28*** (,008)	-,24*** (,011)	-,28*** (,007)	-,25*** (,011)	-,25*** (,008)	-,22*** (,011)
Россия	,09*** (,008)	,11*** (,014)	,09*** (,008)	,09*** (,014)	,07*** (,008)	,08*** (,014)	,05*** (,008)	,06*** (,014)
Швеция								
Бельгия								
Образование			,03*** (,002)	,03*** (,002)	,03*** (,002)	,03*** (,002)	,02*** (,002)	,02*** (,002)
Профессия			-,01*** (,001)	-,01*** (,001)	-,01*** (,001)	-,01*** (,001)	-,01*** (,001)	-,01*** (,001)
Религиозность								
Сохранение (f1)					-,01*** (,001)	-,01*** (,001)	-,01*** (,001)	-,01*** (,001)
Забота о людях и природе (f2)							-,10*** (,008)	-,13*** (,013)
Самоутверждение (f3)							,08*** (,006)	,10*** (,010)
Открытость изменениям (f4)							Не значимо	Не значимо
N	17674	9041	15895	8058	15895	8058	15121	7626
R ² _{adj}	19,5	17,1	23,1	20,6	25,3	21,8	26,7	23,1

Примечания: 1) В моделях а в качестве объяснительной переменной используется миграционный статус на моделях в она заменяется на религиозную принадлежность (мусульманин – не мусульманин). Эти переменные не используются одновременно.

2) коэффициенты отображаются следующим образом: вначале приводится значение b, значимость отмечена звездочками, в скобках – стандартные ошибки.

3) *** p < 0,001; ** p < 0,01; * p < 0,05

категория). Самое низкое значение по индексу гендерного равноправия зафиксировано в России (с большим отрывом) и в Швейцарии.

Возраст оказывается важным предиктором позитивного отношения к гендерному равноправию в первых моделях. 15 лет разницы в возрасте по эффекту равны миграционному статусу, то есть, например, сорокапятилетний житель Европы имеет в среднем такие же представления о положении женщины в обществе, как тридцатилетний мигрант в этой же стране. Молодежь считает эмансипацию женщин более важной, чем представители старшего поколения. Исламское вероисповедание оказывает больший негативный эффект на зависимую переменную, чем миграционный статус.

Модель 2. Образование и социально-экономический статус (СЭС). Люди с самым высоким уровнем образования и социально-экономическим статусом демонстрируют наиболее эгалитарные гендерные установки³. Эффект возраста остается неизменным; образование объясняет больший процент дисперсии, чем социально-экономический статус. Мусульманское вероисповедание получает более низкие коэффициенты, чем в первой модели, однако включение образования и СЭС никак не влияет на оценку влияния миграционного статуса (β_a – мигр.статус = $-.05$; β_b – ислам = $-.11$). При попытке проконтролировать модель по семейному положению и числу детей, эти переменные оказались не значимыми.

На уровне стран коэффициенты остаются практически без изменений. Швеция и Нидерланды остаются самыми либеральными в отношении равноправия полов, Россия демонстрирует самое низкое значение индекса. В моделях a и b различие в объяснительной силе невелико: $R_a^2 = 23,1\%$, $R_b^2 = 20,6\%$.

Модель 3. Уровень религиозности. В модель вводится дополнительный предиктор – уровень религиозности. Предыдущие исследования свидетельствуют о сильной связи между этим вопросом и отношением к положению женщин в обществе. Этот уровень измерен по шкале от 1 до 10, и его коэффициент в обеих моделях составляет $\beta_{3ab} = -.01$. Уровень религиозности сильно и отрицательно связан с поддержкой гендерного равноправия, и этот эффект больше, чем эффект миграции и эффект ислама (в модели b). Влияние уровня религиозности больше, чем возраста, и сравнимо с образованием.

Модель 4. Индивидуальные ценности включает 4 фактора, которые отражают индивидуальные цели и ценности индивидов, измеренные по шкале Ш. Шварца, состоящей из 18 вопросов. Утверждения в этой шкале распадаются на 4 фактора посредством факторного анализа, это сохранение (важность традиций, конформизм); забота о людях и природе (ценности толерантности, помощи окружающим, эгалитаризм); самоутверждение (положение в обществе, богатство, успех) и открытость изменениям (ценность удовольствий и приключений). Когда эти группы ценностей включаются в модель в качестве факторов, то самоутверждение оказывается незначимым. Открытость изменениям имеет небольшую объяснительную силу (.02), однако демонстрирует значимость на 5% уровне.

Факторы сохранения и заботы об окружающих и о природе (факторы 1 и 2 соответственно) имеют высокие регрессионные коэффициенты, сравнимые с эффектами образования и религиозности. Так фактор 1, фиксирующий ценность традиций и конформизм, сильно и отрицательно связан с индексом гендерного равноправия. Фактор 2 (толерантность и эгалитаризм) связан с зависимой переменной положительно. Это значит, что люди, для которых традиции очень важны, не считают, что мужчины и женщины должны иметь равные права в общественной сфере. В то же время те, для кого большое значение имеют ценности защиты природы, помощи окружающим людям и эгалитаризма, более склонны придерживаться идей гендерного равноправия. Финальные модели объясняют 26,7 и 23,1 процента дисперсии соответственно.

³ СЭС закодирован от высокого к низкому, поэтому коэффициенты приобретают отрицательные значения.

Регрессионное моделирование показывает, что миграционный статус и мусульманское вероисповедание отрицательно связаны с поддержкой гендерного равенства. Однако эти эффекты менее сильны, чем влияние образования, возраста и уровня религиозности. Кроме того, некоторые attitudinalные вопросы имеют высокую объяснительную силу в моделях – это, в первую очередь, фактор сохранения (важность традиций и конформизм).

Результаты и выводы. Основываясь на регрессионном анализе опросных данных, можно сказать, что большая часть гипотез подтвердилась. 1) Женский пол и молодой возраст являются действительно важными факторами при формировании эгалитарных позиций по отношению к гендерному равенству.

2) Ни миграционная история, ни мусульманское вероисповедание не являются самыми сильными предикторами консервативных гендерных attitudinalных. Возраст и образование – важнейшие объяснительные переменные, молодые и образованные люди выказывают наиболее эгалитарные установки в отношении положения полов в обществе. Социально-экономический статус значим в меньшей степени.

3) Мигранты-мусульмане, как и иммигранты в целом, несколько более консервативны в вопросе равенства мужчин и женщин, чем местное население европейских стран. Исходя из регрессионных коэффициентов можно сказать, что мусульман-мигрант в Европе на 10% консервативнее по шкале гендерного равенства, чем его местный сверстник того же пола с тем же уровнем образования и экономическим положением. В то же время показатели для мигрантов очень близки к значениям для местного населения, и кривая значений для мигрантов почти полностью повторяет кривую для коренных европейцев. Таким образом, мигранты в Европе высказывают убеждения, очень близкие к принятым в обществах – реципиентах. Это приводит к тому, что мигранты в Швеции либеральнее в своих установках касательно гендерных ролей, чем местные жители в Германии или Швейцарии. Что касается России, то гендерные attitudinalные мигрантов не более консервативны, чем у местных, и общий уровень поддержки гендерного равенства очень невысок (ниже, чем в большинстве европейских стран). Таким образом, оказывается, что россияне в среднем более консервативны в своих оценках положения женщин не только чем коренные европейцы, но и чем мигранты в Западной и Северной Европе. То есть, ценностный профиль россиян и мигрантов в России очень близок, что, вероятно, связано с общим советским прошлым и опытом “советского патриархата”.

4) Страны, включенные в анализ, значительно различаются по поддержке гендерного равенства. Самые эгалитарные страны – это Швеция и Нидерланды, самая патриархальная – Россия.

5) Наиболее религиозные люди демонстрируют самые консервативные гендерные установки. В то же время, исламское вероисповедание имеет больший коэффициент, чем миграционная история во всех моделях, причем значение его отрицательно. Таким образом, принадлежность к мусульманской культуре и религии при прочих равных условиях (по образованию, полу, возрасту, социально-экономическому статусу и ценностям) стабильно и значимо снижает вероятность эгалитарных гендерных установок у индивида. Данный результат соотносится с выводами последних исследований в этом направлении, например, с работой Э. Александер и К. Вельцеля [Alexander, Welzel, 2011].

В результате проведенного исследования было выяснено, что по вопросам, касающимся положения женщин в публичной сфере, на рынке труда, мигранты и коренные европейцы различаются не так сильно, как это постулируется в академическом дискурсе и в политической повестке. Более того, во многих странах эти различия не значимы, тогда как образование является ключевым фактором, способствующим формированию более эгалитарных взглядов. Интересной представляется обнаруженная связь между существующим в стране гендерным порядком и тем, как мигранты в этой стране воспринимают проблему равенства полов. И несмотря на то, что мусульманские мигранты значительно консервативнее других, они также не сильно

отличаются в своих взглядах от местного населения. Из этого можно сделать вывод, что проблема гендерных аттитюдов мигрантов упрощается в современном дискурсе. Позиционирование мусульман как людей, чьи консервативные ценности противоречат европейскому духу эгалитаризма, не подтверждается ни на европейском, ни на российском материале.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание переменных: *Миграционный статус* – бинарная переменная (0 – местный житель или один из родителей – мигрант, 1 – оба родителя – мигранты, но родился в стране опроса или родился за границей). *Образование* – порядковая шкала с 5 вариантами ответа (1 – средняя школа, 5 – магистратура и выше). *ISEI, или профессия* – порядковая переменная, перекодированная из более детальной классификации ISCO88 в категории международной системы ISEI (1 – директора, управленцы; 2 – профессионалы, например, адвокаты, врачи; 3 – инженеры, средний технический научный персонал; 4 – чиновники, офисные работники; 5 – сфера услуг; 6 – квалифицированные фермеры; 7 – квалифицированные рабочие; 8 – полуквалифицированные рабочие; 9 – неквалифицированные рабочие). *Уровень религиозности* – порядковая шкала (0 – совсем не религиозен, 10 – очень религиозен). *Ислам* – 0 – не мусульманин, 1 – мусульманин. *Ценности* использованы стандартные факторы, предложенные в классификации Ш.Шварца, которая используется при составлении вопросов в Европейском исследовании ценностей. Фактор 1 – сохранение (конформное поведение, следование традициям, безопасность и скромность). Фактор 2 – забота о людях и природе, а также значимость равенства и справедливости. Фактор 3 – самоутверждение (отношение к власти, деньгам и успеху). Фактор 4 – открытость изменению (отношение респондента к удовольствиям, риску и приключениям).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Здравомыслова Е., Темкина А.* Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научных статей / Под ред. *Здравомысловой Е., Темкиной А.* СПб.: ЦНСИ, 1996. Труды. Вып. 4. С. 4–13.
- Здравомыслова О.* Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России. polit.ru/article/2009/09/24/gender (дата обращения 12.06.2013).
- Alexander A., Welzel C.* Islam and Patriarchy: How Robust Is Muslim Support for Patriarchal Values? // World Values Research. 2011. Vol. 4. № 2. P. 40–70.
- Bilan Y.* Specificity of Border Labour Migration // Transformations in Business & Economics. 2012. № 11. P. 82–97.
- ESS. URL: <http://ess.nsd.uib.no/ess/round4/http://www.europeansocialsurvey.org/2010> (дата обращения: 11.05. 2012).
- Fassmann H., Munz R.* Patterns and Trends of International Migration in Western Europe // Population and Development Review 18. № 3. 1992. P. 457–480.
- Glick Schiller N.* Racialized Nations, Evangelizing Christianity, Police States, and Imperial Power: Missing in Action in Bunzl's New Europe // American Ethnologist. 2005. Vol. 32. № 4. Pp. 526–532.
- Heilman M.* Description and Prescription: How Gender Stereotypes Prevent Women's Ascent up the Organizational Ladder // Journal of Social Issues. 2001. Vol. 57. P. 657–674.
- Inglehart R., Norris P.* Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Lorber J., Farrell S.* Principles of gender construction // The Social Construction of Gender. California: Sage Publications, 1991.
- Ustubici A., Irdam D.* The Impact of Remittances on Human Development: a Quatitative Analysis and Policy Implications // Economics and Sociology. 2012. Vol. 5. № 1. P. 74–95.
- Van Tubergen F., Sindradóttir J.* The Religiosity of Immigrants in Europe: A Cross-National Study // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. Vol. 50. № 2. P. 272–288.